ISSN 1990-9381

СЕМЕЙНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СЕМЕЙНАЯ ТЕРАПИЯ

В номере:

Научно-практический журнал
№ 2 апрель–июнь 2010
Москва

А.Э. Петросян

ПОЧЕРК И ПОЛ: ОПРАВДАНИЕ ГРАФОЛОГИИ

Статья посвящена анализу формирования предпосылок для проведения новых, более точных и корректных экспериментов по идентификации пола по почерку и разбору их результатов.

Понятие личностного («психологического») пола, постепенно отделившись от «физического», приобрело самостоятельность и тем самым позволило ввести количественные градации половой идентичности и ясные представления о «промежуточных» и «инвертированных» индивидах. А главное – появились «измерительные» инструменты для этих «величин» (в частности, опросник Бем и другие подобные методики). Подробно рассматривая их достоинства, автор вскрывает недостатки, не позволяющие им непосредственно служить в качестве орудия «контроля» графологических суждений.

Особое внимание уделяется «физиологическому» маркеру половой идентичности – соотношению длин указательного и безымянного пальцев (2D:4D). Углубляясь в экспериментальный материал о его взаимосвязи с факторами, обусловленными полом, автор приходит к заключению, что в первом приближении тот пригоден в качестве критерия правильности графологических суждений. Результаты экспериментов, проведенных в начале XXI века, свидетельствуют о том, что даже оценки, выносимые неспециалистами в области графологии, хорошо согласуются с «физиологическими» маркерами писавших, причем мера корреляции у них выше, чем у выводов, основанных на методике Бем. Это подтверждается и данными собственных экспериментов автора, которые показывают, что графологические суждения к тому же в определенных пределах «предсказывают» значения соотношения 2D:4D.

Ключевые слова: почерк – «личностный», пол – «промежуточные» и «инвертированные» личности, «физиологический» маркер 2D:4D – контроль графологических суждений.

Введение

Под давлением экспериментальных фактов, теоретических прорывов в психологии личности и практических находок психотерапии графологи были вынуждены смягчить свою позицию. Они уже не могли категорически отрицать взаимосвязь почерка и пола. Если столь

ПЕТРОСЯН Армен Эрнстович – доктор философских наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Тверского филиала Северо-Западной академии государственной службы.

мощная личностная «поляризация» индивидов, выражающаяся в их половой идентичности, никак не улавливается почерком, это значит только одно – то, что между ним и личностью никакой корреляции нет. А это для графолога равнозначно профессиональному самоубийству.

Но открытое признание такой связи тоже казалось чем-то непозволительным. Хотя оно и снимало клеймо невежества с графологии, слишком большая доля «брака» в суждениях переносила его на самих графологов. Поэтому им ничего не оставалось, как замалчивать эту коллизию, зарывая голову в песок, чтобы не отягощать свое существование проблемой, которую они не были в состоянии решить приемлемым образом.

Лишь единицы позволяли себе заговаривать о возможности идентификации пола по почерку. Они проявляли не просто смелость, но и достаточную изобретательность, придумывая удобоваримые объяснения того, почему этого часто не происходит. Но даже такие голоса стали систематически пробиваться сквозь толщу общего потока лишь к середине XX столетия.

Наиболее показательна в этом отношении позиция, занятая В. Мюллером и А. Энскат, авторами весьма обширного труда по общим и прикладным аспектам графологии. Недвусмысленно заявляя, что «принадлежность к полу не выявляется по почерку», они ссылаются на множество случаев, когда нельзя определенно сказать о писавшем – мужчина это или женщина. Максимум, на что может рассчитывать графолог, – вывод о том, что, например, «хозяин» данного почерка выглядит как мужчина, хотя не исключено, что не является таковым в общепринятом смысле слова. Поэтому не дело графолога – «распознавать пол по почерку». Быть может, стоило бы «изображать характер нейтрально, вообще не касаясь вопроса о половой принадлежности», если бы это не противоречило пониманию человеческой личности.

По мнению Мюллера и Энскат, графолог не должен полностью абстрагироваться от пола, так как выявляемые им личностные качества зачастую окрашены в мужские или женские тона. И, пренебрегая этими оттенками, он не просто искажает реальный «портрет» писавшего, но и лишает себя тонкого инструмента «зондирования» глубин человеческой личности. Скажем, такие качества, как настойчивость или способность мыслить, «приобретают гораздо более характерное значение, если они соотносятся с женщиной, а не мужчиной», так как у женщин они попадаются реже, нежели у мужчин. Эти черты в соответствующих

контекстах должны больше оттеняться. И наоборот – «личная преданность в мужском почерке сильнее бросается в глаза, чем в женском»[1]. То есть нет ничего абсолютного ни в личности индивида, ни в его почерке, и только в сопряжении их друг с другом, а также с физическими свойствами человека можно найти истину.

Конечно, эта позиция отличается изрядным лукавством. Она не столько проливает свет на проблему идентификации пола по почерку, сколько уводит в сторону, подменяя «эвристические» возможности почерка выгодами, которые может получить графолог, если будет преломлять свои суждения сквозь призму пола писавшего. Тем не менее, тут усматривается движение в разумном направлении, ибо чуть ли не впервые после Крепье-Жамена признается сам факт взаимосвязи пола и почерка и даже намечается – правда, еще в весьма смутной и запутанной форме – некая линия его подтверждения и объяснения.

Если предельно сжать точку зрения Мюллера и Энскат, ее можно свести к двум основным утверждениям. С одной стороны, личностные качества, сопряженные с полом, так или иначе все-таки находят свое выражение в почерке. С другой стороны, между ними нет жестких, однозначных связей, позволяющих безошибочно определять половую принадлежность индивида. В результате набирается значительное количество промежуточных фигур, относительно которых возникают большие сомнения. В лучшем случае они допускают такие определения, как личность мужского иди женского склада. Однако совпадут ли оценки графолога с «визуальной» (физической) идентификацией – остается под вопросом.

Но откуда берется сама эта проблема? Почему графолог, вынося вроде бы правильное суждение о человеке, включая и те его качества, которые преломляются сквозь призму пола, как будто бы приходит в ступор, когда возникает необходимость нанести последний штрих и назвать его пол? Какая невидимая сила удерживает графолога от завершения «портрета»?

1. «Раздвоение» пола: личностная проекция

Половая принадлежность индивида обычно считается сугубо физическим свойством, выражающимся в характерных внешних

---

[1] *Müller W., Enskat A.* Theorie und Praxis der Graphologie. Bd. I. Allgemeine Graphologie. Rudolstadt in Thüringen: Greifenverlag, 1949. S. 222–223.

признаках и однозначно определяемым даже посредством беглого и поверхностного осмотра. Между тем путь, который проделывает графолог, является опосредованным и весьма извилистым. Начинает он со свойств почерка и переходит затем к сопряженным с ними внутренним личностным качествам и, только отталкиваясь от этих качеств, заключает, какими должны быть соответствующие им внешние черты индивида. Вот почему, даже если удается блестяще справиться с первой задачей (от почерка – к личности), это не гарантирует конечного успеха идентификации пола. Графолога ждет неминуемый провал, когда рассогласование между личностью писавшего и его «физикой» оказывается слишком значительным. Проще говоря, если правильно установлено, что в личности человека преобладают «мужские» черты, но их «хозяин», исходя из первичных половых признаков, причисляется к женщинам, формально такое суждение должно квалифицироваться как ошибочное. И это при том, что оно гораздо более безупречно, чем «заключение» самой природы, «взрастившей» душу в неподходящем для нее теле.

Хотя диссонанс между личностью индивида и его «физикой» отнюдь не редкость, в большинстве случаев они находятся между собой в большем или меньшем согласии. Но как мужчины различаются по своей «мужественности», так и не все женщины одинаково «женственны». И даже если в целом вывод графолога совпадает с «реальностью», зафиксированной путем внешнего осмотра, мера соответствия может быть разной. Иными словами, ошибка вовсе не исключена и тут, но она вряд ли попадет в столь грубые сети. Ибо, если письмо квалифицируется как мужское, и оно действительно принадлежит мужчине, неважно, каков он – законченный «гусар» или жеманная особа, мало что имеющая от мужчины, если не считать первичных половых признаков.

Таким образом, если ставится цель проверить способность графологии идентифицировать пол по почерку, нельзя ограничиваться устоявшейся бинарной системой координат «мужчина – женщина». Во-первых, она не содержит количественных градаций и потому существенно обедняет картину, с которой предстоит сравнивать графологические «портреты», Если они подразумевают дифференцированные оценки писавшим, характеризуя их как более или менее «мужественные» («женственные») натуры, то вся эта детализация неизбежно выхолащивается, когда она наталкивается на примитивно качественные «линейки». Это все равно что приравнять друг к другу

всех умных людей – и тех, кого просто нельзя назвать дураками, и обладающих мощным интеллектом («ума палата»), и даже недосягаемых гениев, способных решать задачи, которые не по плечу никому другому. А во-вторых, «линейка» дихотомична. То есть все «величины», которые она «измеряет», автоматически разводятся по полюсам: либо мужчина, либо женщина. Ничего промежуточного ею не улавливается, а значит, общая картина упрощается до предела, сохраняя мало точек сопряжения с реальностью. Это подобно разделению всего человечества, например, на отчаянных храбрецов и безнадежных трусов.

Но ведь известно, что таковых лишь незначительное меньшинство. Подавляющая часть людей располагается где-то между ними. И хотя настоящих переходных фигур, о которых трудно сказать, куда они в конце концов должны быть отнесены, тоже отнюдь не большинство, они составляют весьма значительную категорию, никак не сводимую к двум полюсам. Вот почему опыты, подобные тем, что проводил Бине, принципиально не способны уловить тонкую дифференциацию половой идентичности, а следовательно, послужить «пробным камнем» для графологических выводов.

Чтобы «контрольные» идентификации пола были сопоставимы с графологическими, они должны не просто причислять индивидов к мужчинам или женщинам, но и определять степень их соответствия стандартам «своего» пола. Другими словами, требуется найти место человека на шкале, где мужчины и женщины «в чистом виде» образуют лишь крайние участки, а абсолютное большинство реальных людей в разных пропорциях обладают свойствами, приписываемыми обоим полюсам. Скажем, индивидов можно было бы квалифицировать как мужчин с ярко выраженными женскими наклонностями или женщин с отдельными мужскими чертами. Тогда удалось бы не только обеспечить более точную и надежную основу для проверки графологических суждений, но и придать им некоторую количественную меру. Вместо того, чтобы просто констатировать ошибку, стало бы возможным показать, насколько она велика или незначительна. А это, в свою очередь, позволило бы выносить им более справедливые оценки.

Предположим, что, по мнению графолога, почерк принадлежит мужеподобной женщине. Но в действительности писавший – женоподобный мужчина. Как расценить такое суждение?

Разумеется, как ошибочное, если исходить из «традиционного» критерия. Но ведь это гораздо ближе к истине, чем заключение о том,

что индивид является типичным мужчиной. Хотя оно было бы расценено как совершенно верное. Понятно, что с таким подходом далеко не уйдешь. Так что нужно пересмотреть сам критерий «контроля».

Казалось бы, дело за малым. Стоит лишь чуть больше дифференцировать «независимые» оценки индивидов – и будет нетрудно по-настоящему выявить возможности графологии. Но как это сделать?

Традиционный метод «контрольной» идентификации пола, хотя и сводится фактически к визуальному осмотру, при всех своих недостатках обладает по крайней мере одним несомненным достоинством. Он прост, доступен и удобен в применении. Чем его заменить, чтобы, не слишком усложняя дело, прийти к более достоверным и дифференцированным результатам?

Долгое время не удавалось найти достойную альтернативу «визуальному» методу. Никакие ухищрения не позволяли просто и в то же время сколько-нибудь точно идентифицировать «внутренний» пол человека, то есть его личностную половую идентичность, которая необязательно целиком и полностью совпадает с выводом на основе первичных половых признаков.

Это вовсе не значит, что не разрабатывались инструменты для «измерения» половой идентичности. Напротив, во второй трети прошлого столетия появилось множество тестов, направленных на выявление половых ориентаций личности. К их числу можно отнести, например, методику Термана – Майлз, шкалу маскулинности Гилфорда и ряд других. Все они рассматривали половую идентичность как некий континуум, в котором выделялись не только участки, соответствующие ярко выраженной мужественности и женственности, но и «промежуточным» формам, в разной мере сочетающим мужские и женские черты. При этом, естественно, чем больше приписывалось индивиду одних характеристик, тем меньше оставалось в нем места для противоположных. Это фактически означало введение в «диагностику» пола количественных градаций, что позволяло точнее и тоньше определять реальную природу личности. Тем не менее, ни одно из этих «измерительных» средств не годилось для «контроля» графологических суждений о поле. Они страдали принципиальными недостатками, «смазывающими» реальную картину половой идентичности.

Прежде всего, такого рода тесты носили преимущественно частичный характер. Они были нацелены на идентификацию не столько личностного пола, сколько его отдельных проекций, связанных

с умственными способностями, эмоциональными переживаниями, профессиональными интересами и т.д. А потому интегральное представление о половой ориентации практически не складывалось.

Далее, критерии, по которым определялась половая идентичность, часто были противоречивыми и произвольными. Разработчики тестов подбирали их по своему усмотрению, исходя из собственных представлений о полоспецифических свойствах человека, и далеко не всегда подкрепляли экспериментальными данными. А поскольку различные мужские и женские черты совсем не одинаково проявляют себя в отдельных человеческих качествах, то, что по одним шкалам признавалось мужественным, вполне могло оказаться женственным, будучи преломленным сквозь призму другой шкалы.

Наконец, – и это главное – подход к созданию этих инструментов во многом оставался догматичным. Считалось, что мужчина есть мужчина, сколь бы женственным он ни был, точно так же, как женщина принципиально не меняется оттого, что в ней преобладают мужские черты. Если же дело обстояло иначе, это воспринималось лишь в качестве аномалии. То есть «верховным» критерием идентификации пола выступали по-прежнему первичные половые признаки. А значит, тот представлялся чем-то единым и неразделимым, исключающим возможность какой-то психологической «надстройки» над генетическим «базисом». И, несмотря на количественную дифференциацию мужественности и женственности, «пространство» полов, как и раньше, не предусматривало места для инвертированных» личностей – мужественных женщин и женственных мужчин. Они для него попросту не существовали.

Только в 70-е годы прошлого столетия стали, наконец, появляться инструменты, способные хотя бы в первом приближении справиться с этой функцией. Речь идет, в частности, о методике выявления «половой роли» Бем (BSRI – Bem's sex role inventory)[2]. В основу ее фактически была положена идея Леланда о том, что любой индивид характеризуется чертами не только «своего», но и противоположного пола. А потому квалификация его просто как мужчины или женщины выглядит чрезмерным упрощением. В действительности между ними находится обширная категория психологически «двуполых»

[2] См.: *Bem S.I.* The measurement of psychological androgyny // Journal of consulting and clinical psychology. 1974. Vol. 42, N 2. P. 155–162.

личностей, составляющих явление «андрогинии». Не говоря уже о тех людях, чья половая идентичность слабо выражена и плохо поддается идентификации.

Опросник состоял из 60 пунктов – по 20 характеристик на каждую из трех шкал – «мужественности», «женственности» и «нейтральную». Эти характеристики были вычленены в ходе подготовительной работы, проведенной Бем вместе со студентами. Вначале ими были отобраны 200 личностных (мужских и женских) черт, нейтральных с позиций общественного мнения. Затем к ним добавили еще 200 качеств, одинаково применимых как к мужчинам, так и к женщинам, но при этом социально желательных или, наоборот, нежелательных. Группа «судей», состоявшая из 100 студентов, ранжировала эти определения. 50 человек из них делали это применительно к женщинам, а остальные 50 – применительно к мужчинам. Причем в обеих полусотнях находилось равное количество лиц того и другого пола (по 25).

Вопросы, стоявшие перед «судьями», звучали примерно так: «Насколько желательна для американского общества такая черта, как правдивость?» Они ничем не отличались друг от друга за исключением самих характеристик. Так, вместо «правдивости» в них появлялись «агрессивность», «заботливость», «уверенность в себе» и т.д., пока не исчерпывался весь набор отобранных личностных черт.

Те из определений, которые признавались совершенно нежелательными, получали по 1 баллу. Если они представлялись крайне желательными, им присваивалось 7 баллов. Средний уровень желательности соответствовал 4 баллам. Остальные оценки, естественно, занимали промежуточное положение.

По завершении опроса были составлены перечни характеристик, ставших основой шкал женственности и мужественности. В их состав вошли только те личностные черты, которые «судьями» обоих полов оценивались как гораздо более желательные для одного пола, нежели для противоположного. Что же касается «нейтральной» шкалы, то она вобрала в себя характеристики, не воспринимавшиеся ими ни как мужские, ни как женские. Так в опросник Бем попали 20 самых «женских» и столько же – самых «мужских» качеств. А еще одну двадцатку составили по 10 наиболее (адаптируемость, искренность и др.) и наименее (неэффективность, зависть и т. п.) желательных «нейтральных» характеристик.

В похожем режиме проходили и опросы по методике Бем. Участникам предлагалось проранжировать каждое из 60 определений в зависимости от того, насколько те соответствуют их личности. Иными словами, они должны были «локализовать» себя на семибалльной шкале относительно какого-то из личностных качеств (например, уверенности в себе, податливости, жизнерадостности, заботливости, легковерности, учтивости и т. д.). При этом возможные ответы варьировали от «совсем или почти совсем не подходит» (1 балл) до «совершенно или почти совершенно верно» (7 баллов).

Полученные результаты суммировались по отдельным измерениям в соответствии со специальным «ключом». Затем определялась разница между суммами, набранными по шкалам женственности и мужественности. Если одна из этих сумм существенно превосходила другую, индивид признавался типичным представителем соответствующего пола. Если же они были примерно равны, то при их высоком уровне «подопытный» причислялся к андрогинам (промежуточному типу), а при низком – выносился вердикт о его «недифференцированности» (отсутствии ярких половых проявлений). Тем самым ролевая идентичность личности (ее сексуальная роль) «вписывалась» в двумерную матрицу (табл. 1), охватывающую четыре категории –выраженные мужские и женские типы, а также «двуполые» (андрогинные) и «бесполые» («недифференцируемые») индивиды.

Таблица 1

		«Мужественность»	
		Высокая	**Низкая**
«Женственность»	**Высокая**	«Двуполый»	Женский
	Низкая	Мужской	«Недифференцируемый»

Высокая «мужественность» в сочетании с низкой «женственностью» дает мужской тип. При обратном соединении этих тенденций получается индивид с преимущественно женской ориентацией. Если

в человеке отчетливо проявляются как мужские, так и женские качества, перед нами «двуполая» личность. Наконец, когда наклонности в явной форме не выражены, речь идет о человеке, чья половая идентичность определяется с трудом. Несколько утрируя, его можно было бы назвать «бесполым» существом. При этом критерием различения высокого и низкого проявления «мужественности» и «женственности» служит «пороговая» величина, равная 4,9 балла.

Разумеется, методика Бем была отнюдь не единственной в своем роде. В одно время с ней или несколько позже появился целый ряд подобных инструментов, призванных раскрыть внутренние полоролевые устремления личности. К ним можно отнести, например, «Вопросник личностных атрибутов» (PAQ)[3], шкалу PRF ANDRO[4], и т.д. Они развивались не просто параллельно, но и непосредственно сталкивались между собой. Их разработчики активно критиковали «конкурентов» и учитывали в своей работе замечания в собственный адрес. Неудивительно, что во многих отношениях эти инструменты хорошо согласовывались друг с другом. Так, корреляция методики Бем с PAQ составляла 0,76 по шкале мужественности и 0, 0,69 по шкале женственности, а с PRF ANDRO – соответственно 0,71 и 0,57[5].

В одной из работ изучалось взаимоотношение между полоролевой ориентацией и самооценкой. 106 студентов старших курсов заполняли, с одной стороны, опросник самооценки Розенберга и, с другой стороны, краткие формы опросника Бем и «Вопросника личностных атрибутов». Оказалось, что обе эти методики действуют в основном сходным образом. В частности, если андрогины, идентифицированные по Бем, демонстрировали более высокую самооценку, чем остальные участники опроса, то их «собратья», выявленные по «Вопроснику личностных атрибутов», уступали только «типичным» мужчинам. При этом, когда результаты, полученные по шкалам мужественности и женственности, рассматривались отдельно, оба инструмента давали

[3] См.: *Spence J.T., Helmreich R.L., Stapp J.* The personal attributes questionnaire: A measure of sex-role stereotypes and masculinity – femininity // JSAS: Catalog of selected documents in psychology. 1974. Vol. 4, N 1. P. 43–44.

[4] См.: *Berzins J.I., Welling M.A., Wetter R.E.* A new measure of psychological androgyny based on the personality research form // Journal of consulting and clinical psychology. 1978. Vol. 46, N 1. P. 126–138.

[5] См.: *Wilson F.R., Cook E.P.* Concurrent validity of four androgyny instruments // Sex Roles. 1984 Vol. 11, N 9–10. P. 813–837.

весьма близкие предсказания относительно самооценки респондентов, определяемой по Розенбергу[6].

Показательно и то, что нередко одни и те же экспериментальные данные практически в одинаковой степени поддерживали теории, лежавшие в основе каждого из этих тестов, или точно так же противоречили им. Скажем, в одном из исследований 200 студентам обоего пола было предложено заполнить, в частности, опросники PAQ и полоролевого поведения. Интеркорреляции между результатами рассматривались как средство проверки двух конкурирующих теорий – социального обучения Дж. Спенс и ее коллег, постулировавшей независимость полоролевых личностных черт, и когнитивного развития Бем, согласно которой они тесно взаимосвязаны – по крайней мере у типичных мужчин и женщин, чьи «гендерные схемы» заставляют их придерживаться традиционных норм в мышлении и поведении. Но, несмотря на значительные различия в теоретических подходах, данные обоих опросов, вполне согласовываясь между собой, не дали предпочтения ни одному из них[7].

Вот почему есть смысл обсуждать только один из этих инструментов – самый первый, наиболее популярный и, вероятно, лучше проработанный и превосходящий остальные по своей полноте. Тем более, что в целом методика Бем проявила себя довольно неплохо. Ее внутренняя согласованность оценивалась автором на уровне 0,75–0,9. Что же касается надежности «перепроверок», то она составляла 0,76–0,89 для мужчин и 0,82–0,94 для женщин. Это было установлено через четыре недели после проведения первого опроса на выборке, охватывавшей по 28 человек мужского и женского пола.

Практическое применение теста «половой роли» привело к ряду интересных результатов. Сразу же подтвердилось наличие в разных человеческих популяциях «переходных» форм. Впрочем, в этом было мало удивительного. Гораздо более неожиданным стало то, что они превышали по своей численности «типичных» мужчин и женщин.

Это выяснилось уже при сборе «нормативных» данных, используемых в качестве основы для сравнения и последующих оценок. Он

---

[6] См.: *Lamke L.K.* Adjustment and sex-role orientation in adolescence // Journal of youth and adolescence. 1982. Vol. 11, N 3. P. 247–259.

[7] См.: *Orlofsky J.L., Cohen R.S., Ramsden M.W.* Relationship between sex-role attributes and personality traits and the revised sex-role behavior scale // Sex roles. 1985. Vol. 12, N 3–4. P. 377–391.

проводился на обширной выборке, охватывавшей 447 студентов и 279 студенток Стэнфордского университета и еще 117 парней и 77 девушек, которые представляли один из колледжей (возрастной диапазон – от 16 лет до 21 года). Бем нашла, что к андрогинам можно отнести 34 % представителей мужского пола и 27 % – женского в первой части выборки и, соответственно, 44 и 38 % – во второй.

Это подтвердилось и в независимых исследованиях. Так, в одном из них предметом интереса была половая ориентация американских горожанок, представлявших различные расовые и этнические группы. Выборка включала в себя 279 студенток университета в Хьюстоне – белых, чернокожих, а также мексиканского происхождения. Выяснилось, что, несмотря на весьма существенные различия между этими группами населения, их полоролевая структура достаточно однородна. При этом в каждой из них уверенное большинство составляли андрогины[8].

Но самое поразительное заключалось в другом. «Переходные» индивиды выглядели лучше приспособленными к условиям окружающей жизни, нежели остальные. Это наводило на мысль, что им удается легче переносить трудности и быстрее восстанавливаться после ударов судьбы.

В конце 80-х годов прошлого века в одном из крупных городов восточной части США было проведено довольно любопытное исследование[9]. Объектом его выступали 446 взрослых афроамериканцев (от 18 лет и старше). Задача состояла в том, чтобы выявить их половую идентичность и ее отношение к душевному здоровью, в частности, к депрессивным проявлениям.

В основу исследования была положена слегка модифицированная методика Бем. Ее «урезали» до 20 пунктов (по 10 на каждую из двух шкал – «мужественности» и «женственности»). В ней остались такие определения, как «амбициозный», «доминантный», «уверенный в себе», с одной стороны, и «нежный», «ласковый», «понимающий» – с другой.

[8] См.: *Zeff Sh.B.* Cross-cultural study of Mexican American, black American, and white American women at a large urban university // Hispanic journal of behavioral sciences. 1982. Vol. 4, N 2. P. 245–261.

[9] См.: *Brown D.R., McGregor K. ., Gary L.E.* Sex role identity and depressive symptoms amongst African American men // African American research perspectives. 1997. Vol. 3, N 1. P. 1–6.

Как и в предыдущих случаях, наиболее многочисленной группой оказались «андрогины» («двуполые»). Их доля составляла 38,2 %. Со значительным отставанием от них шли «типичные» мужчины – 24,3 %. Почти не уступали им «недифференцированные» индивиды – те, у кого половая идентичность слабо выражена (23,7 %). Что же касается «типичных женщин», то они замыкали перечень, чуть ли не вдвое «проигрывая» обеим предыдущим категориям (13,8 %).

Естественно, это в корне противоречило традиционным представлениям о мужчинах и женщинах и их соотношении в человеческих популяциях. Выходило, что доля «чистых» индивидов лишь немногим больше ее трети. Все остальные, будучи «двуполыми» либо «бесполыми», как бы встраиваются во взаимосвязи двух полюсов и опосредуют их своим поведением.

Однако картина приобрела еще более яркие краски при сопоставлении половой идентичности испытуемых с регистрируемыми у них депрессивными симптомами. Выяснилось, что «двуполые» личности («андрогины») меньше других подвержены депрессии. Их противоположностью являются «бесполые» (недифференцированные). Они чаще других сталкиваются с этой болезнью. «Типичные» мужчины и женщины занимают промежуточное положение. При этом депрессивные проявления у женщин наблюдаются реже, чем у мужчин.

Таким образом, можно предположить, что половая идентичность служит одним из факторов адаптации к жизненной среде. И чем яснее и многообразнее она выражается, тем выше приспособляемость индивида. При этом ответственность, которую она на себя взваливает, будучи характерной скорее для мужского типа, чем для женского, выступает в качестве «сдержки», препятствующей адаптационному процессу. Поэтому чем она выше, тем значительнее вероятность наступления депрессивных симптомов.

В чем заключается основное достоинство методики Бем?

Красной нитью пронизывает ее идея о том, что типично мужские и женские черты могут естественным образом соединяться в одном человеке вопреки первичным половым признакам. Фактически это означает «расщепление» пола на биологическую и психологическую компоненты. В отличие от своих предшественников, молчаливо придерживавшихся принципа нерасчлененности пола, Бем наглядно продемонстрировала в опыте то, что давно было понятно некоторым теоретикам: личностный пол отнюдь не равнозначен своей генетической

основе, определяемой «визуально», и вовсе не обязан ей полностью соответствовать. Хотя в большинстве случаев они все-таки в той или иной мере совпадают, встречается довольно много людей, у которых между ними возникает определенная напряженность, а иногда даже непримиримый конфликт.

2. Аберрация пола: «кривое зеркало» культуры

С момента своего появления опросник Бем подвергался острой и массированной критике. И это вполне естественно. Внеся в представления о полах свежие веяния, он задел ряд господствующих в них тенденций. В этом смысле накатившийся на него вал возражений и уточнений был практически неизбежным и выглядел лучшим свидетельством вклада в психологию личности.

Разумеется, далеко не всегда замечания, высказываемые в адрес методики Бем, были предметными и справедливыми. А порой они и вовсе оставляли впечатление нелепости и даже вздорности. Так, М. Чой и Д. Фукуа, проанализировав материалы 23 исследований по ее валидизации (проверке подлинных возможностей), которые проводились в течение четверти века (вплоть до начала нынешнего), пришли к выводу, что операционализация понятий мужественности и женственности оставляет желать лучшего, да и само соотношение этих факторов в реальности гораздо сложнее, чем в картине, построенной по результатам опроса[10]. Конечно, такую сентенцию нельзя опровергнуть. Она верна по определению, ибо ни одной модели еще не удавалось дотянуться до оригинала. Беда лишь в том, что такой же аргумент можно с не меньшим основанием применить ко всем теориям и к любому методологическому инструментарию – от классической механики и теории эволюции до дифференциального исчисления и матричного анализа.

Но даже если отвлечься от столь «карикатурной» аргументации, в методике Бем (и родственных ей «измерительных» инструментах) имеется слишком много изъянов, чтобы использовать ее в качестве точного диагностического метода, в частности, для «контроля» графологических суждений о поле.

Прежде всего, не раз отмечалось, что Бем получила именно то, к чему стремилась. То есть явное преобладание андрогинов объясняется,

---

[10] См.: *Choi M., Fuqua D.R.* The structure of the Bem sex role inventory: A summary report of 23 validation studies // Educational and psychological measurement. 2003. Vol. 63, N 5. P. 872–887.

прежде всего, «предвзятостью» (тенденциозностью) самого экспериментатора и применяемых им средств. Поэтому доля андрогинов в результатах опросов, проводимых по методике Бем, значительно превышает величину, которая встречается в жизни.

Возьмем, например, возрастной состав выборок. В большинстве своем он примерно одинаков и охватывает в основном студентов, чьи половые ориентации находятся в стадии становления, а потому остаются еще размытыми и даже противоречивыми. И скорее это обстоятельство, нежели подлинная андрогинность участников опросов, улавливается итоговыми данными.

У самой Бем возраст респондентов не превышал 21 года. Причем во второй выборке, охватывавшей, главным образом, младших студентов, доля андрогинов оказалась примерно на треть выше, чем во второй, где были представлены чуть более зрелые индивиды.

В то же время можно сказать, что андрогиния методологически встроена в «тело» самого опросника. Она фактически определяется как разница между совокупными баллами, набранными по шкалам женственности и мужественности. Стало быть, чем меньше это значение, тем выше уровень андрогинии. Но характеристики, вошедшие в опросник в качестве типично мужских или женских, были взяты из числа самых социально желательных черт личности. Вот почему естественно предположить, что по крайней мере часть респондентов станет сознательно или подсознательно завышать свои баллы по этим характеристикам.

Что произойдет в этом случае?

Суммы, относящиеся к обеим шкалам – женственности и мужественности, будут очень высокими. А значит, их разница устремится к минимуму. Но именно это и есть показатель максимальной андрогинности. Между тем он в данном случае описывает не столько природу личности участников опроса, сколько их склонность к поднятию своего имиджа в глазах окружающих. Косвенно это подтверждается тем, что у самой Бем социальная желательность (определяемая по «нейтральным» пунктам), хотя и коррелировала с мужественностью или женственностью, тем не менее, диссонировала с андрогинией.

Откуда взялось это свойство у методики Бем?

Первоначально итоги подводились так. Суммы, набранные по шкалам мужественности и женственности, сравнивались между собой. Если они по одной из шкал были статистически значимо выше, чем

по другой, индивид объявлялся типичным представителем соответствующего пола. В противном случае он признавался андрогином, т.е. «переходной» личностью. Фактически это была оценка по единой шкале, на которой выделялись три основных участка. Женственность и мужественность составляли ее полюса, а андрогиния – промежуток между ними. А поскольку еще допускалось, что «физический мужчина» может быть «психологической женщиной» и наоборот, выделялись пять категорий людей с точки зрения их половой идентичности: типичные мужчины и женщины, мужеподобные женщины и женоподобные мужчины и андрогины.

Однако вскоре коллеги Бем, разработавшие собственный «Вопросник личностных атрибутов», обратили ее внимание на то, что к выводу об адрогинности индивида чисто арифметически могут приводить как высокие баллы, набранные по обеим шкалам, так и низкие. Между тем никакого различия в интерпретации этих двух случаев у нее не предусмотрено[11]. Хотя это замечание касалось не распределения полоспецифических черт в индивиде, а скорее интенсивности их проявления в нем, оно подтолкнуло Бем к модификации способа истолкования результатов теста. Так появилась новая классификация половой идентичности.

Андрогиния была разбита на два вида. Лица, набравшие не очень значительное количество баллов по обеим шкалам, стали квалифицироваться как «недифференцированные», т.е. почти «бесполые». А собственно андрогинами признавались только те, кто показывал примерное равенство сумм при их высоких значениях[12].

Естественно, само понятие андрогинии тоже претерпело определенные изменения. В его орбите оказывались уже не просто «переходные» личности, занимавшие участок между двумя полюсами. Поскольку андрогины должны были сочетать в себе ярко выраженную женственность со столь же значительной мужественностью, они превращались в некие мифические существа, обладавшие всеми мыслимыми достоинствами обоих полов.

---

[11] См.: *Spence J.T., Helmreich R.L., Stapp J.* Ratings of self and peers on sex-role attributes and their relation to self-esteem and conceptions of masculinity and femininity // Journal of personality and social psychology. 1975. Vol. 32, N 1. P. 329– 39.

[12] См.: *Bem S.L.* On the utility of alternative procedures for assessing psychological androgyny // Journal of clinical and consulting psychology. 1977. Vol. 45, N 2. P. 196–205.

В результате единая шкала, где мужественность и женственность служили лишь двумя половинками, распалась на две независимые шкалы, допускающие не только соединение мужских и женских черт в каких угодно пропорциях, но и любую интенсивность их проявления в одном человеке. Вот почему пять видов половой идентичности расширились до восьми. К прежним добавились «недифференцированные» мужчины и женщины, а кроме того, на мужчин и женщин были поделены «андрогины». Тем самым андрогиния, как и «недифференцированность» («бесполость»), стала чисто технической фикцией, возникшей как следствие механического преобразования одной линейной шкалы в две ортогональные.

Между тем и сами шкалы отнюдь не выглядели равноценными. Многих смущала их неравномерная корреляция с полом. Если в отношении женщин она казалась в целом приемлемой, то шкала «мужественности» вызывала некоторые сомнения. В то же время было установлено, что социальная желательность характеристик, определяющих мужественность, значительно выше, чем у «женских» черт. В связи с этим предлагалось даже заменить три «сомнительных» качества в шкале женственности на более желательные, чтобы «уравновесить» ее со шкалой мужественности[13]. В то же время статистический анализ показывал, что мысль об ортогональности (независимости) применяемых шкал ничем не обоснована. Не отрицая приемлемой надежности методики, некоторые утверждали, что обеим шкалам недостает конвергентной и дискриминантной валидности[14].

Вообще половая идентичность личности, по Бем, представляет собой не самостоятельную реалию, а определенное преломление в индивиде предсуществующих структур общественных предпочтений в отношении того или иного пола. Суть ее теории «гендерной схемы» заключается в том, что выявление половых ролей обусловлено во многом «готовностью индивида кодировать и организовывать информацию – в том числе информацию о самом себе – в терминах культурных определений мужественности и женственности, что составляет гендерную

---

[13] См.: *Puglisi G.T.* Equating the social desirability of Bem sex-role inventory's masculinity and femininity subscales // Journal of personality assessment. 1980. Vol. 44, N 3. P. 272–276.
[14] См.: *Wong F.Y., McCreary D.R., Duffy K.G.* A further validation of the Bem sex role inventory: A multitrait – multimethod study // Sex roles. 1999. Vol. 22, N 3–4. P. 249–259.

схему общества»[15]. Недаром типичным представителем данного пола оказывается тот индивид, чье представление о себе воплощает полоспецифические характеристики, господствующие в его культуре.

Но что тогда «измеряет» методика Бем? Ведь с ее помощью выявляется не реальная картина половой идентичности, а лишь мнение человека о своей личности. И даже оно сопоставляется не с качествами, присущими самому индивиду, а с теми, которые вошли в культурную модель пола, характерную для определенного общества в конкретный исторический период. Задумывая этот тест, Бем стремилась, по ее собственным словам, «оценить степень отражения в самоописании индивида культурных определений желательных мужских и женских качеств»[16]. Это значит, что участники опроса должны соотносить личностную проекцию своей половой идентичности с образом, «вытканным» из желательных черт, присваиваемых тому или иному полу общественным сознанием.

Однако для чего нужно выявлять такую предельно релятивизированную и расплывчатую, а потому едва уловимую и во всяком случае крайне нестабильную половую идентичность? «Гендерная схема» общества не может оставаться неизменной в разные исторические эпохи. Были времена, когда скромность считалась чуть ли не главным украшением девушки, но сегодня об этом вспоминают редко и с большой неохотой. Точно так же отвага, служившая когда-то почти эквивалентом мужественности, давно перестала восприниматься как неотъемлемая черта мужчины. Что же касается культурного своеобразия различных обществ, то оно и вовсе ставит в тупик тех, кто практически применяет методику Бем.

В начале 70-х годов прошлого столетия, когда формировался опросник, в число социально желательных качеств американского мужчины попала, например, агрессивность. А если бы Бем поинтересовалась мнением кубинцев или филиппинцев, какой бы ответ она получила от них? Не исключено, что даже самому близкому по духу к американцам жителю Британии эта черта показалась бы чересчур вызывающей.

---

[15] *Bem S.L.* The BSRI and gender schema theory: A reply to Spence and Helmreich // Psychological review. 1981. Vol. 88. P. 369.

[16] *Bem S.L.* Theory and measurement of androgyny: A reply to the Pedhazur – Tetenbaum and Locksley – Colten critiques // Journal of personality and social psychology. 1979. Vol. 37. P. 1048.

Чтобы сопоставить формы преломления «гендерных схем» в различных культурах, был проведен опрос 302 американских студентов (101 – мужского и 201 – женского пола) и 273 китайских (соответственно 120 и 153). Оказалось, что лишь восемь из предложенных 20 характеристик воспринимались обеими группами в качестве эквивалентов. И – что особенно примечательно – при этом баллы, набранные китайскими респондентами, в целом были ниже, чем у их американских сверстников, как по шкале женственности, так и по шкале мужественности[17]. Конечно, это можно объяснить, как некоторые и делают, слабой выраженностью у китайцев половых различий между мужчинами и женщинами. Однако гораздо логичнее было бы сослаться на традиционную скромность людей, не стремящихся «приписывать» себе максимальные баллы по социально желательным качествам. Но в любом случае нельзя не видеть то, что во многом именно культурные свойства выборок обусловили существенное расхождение результатов.

Еще более разительно проявилась культурная специфика в опросе 1227 японских студентов. Лица мужского пола оценивали себя по шкале мужественности значительно выше, чем девушки. В то же время баллы, набранные представителями обоих полов по шкале женственности, мало отличались друг от друга. При этом их суммы по шкале женственности значительно превышали результаты, полученные по шкале мужественности[18]. То ли качества, обычно связываемые с женской идентичностью, считаются более универсальными в японской культуре, то ли они просто выше ценятся в обществе? Ясно одно: картина социальной желательности полоспецифических черт в японском обществе явно смещена в женскую сторону. Конечно, если судить по американским критериям. А может, японское самосознание просто не вписывается в их рамки?

Впрочем, более обширный диапазон женской идентичности, похоже, является сегодня вполне сформированной культурной тенденцией. В этом легко убедиться, познакомившись, например, с данными еще одного исследования, задуманного для выявления и сопоставления половых ориентаций двух больших групп населения

---

[17] См.: *Zhang J., Norvilitis J.M., Jin Sh.* Measuring gender orientation with the Bem sex role inventory in Chinese culture // Sex roles. 2001. Vol. 44, N 3–4. P. 237–251.

[18] См.: *Sugihara Y., Katsurada E.* Gender-role personality traits in japanese culture // Psychology of women quarterly. 2006. Vol. 24, N 4. P. 309–318.

Британии – европейского и азиатского происхождения. Первую, как более свободную от социальных предрассудков и гибче относящуюся к стереотипам поведения, условно назвали «либеральной». Вторую окрестили «традиционалистской», т.к. она сильнее привязана к сложившимся обычаям и устоям жизни. И, действительно, «азиаты» в гораздо большей степени, чем «европейцы», считали полоспецифические черты личности характеристичными для себя и противоположного пола, воспринимая их также как более желательные. Тем не менее, обе группы демонстрировали удивительное единство в другом. Если «типично» мужские черты оценивались как желательные для женщин, то мужчины с «типично» женскими качествами и «европейских», и «азиатских» женщин сильно раздражали[19]. Основываясь на этих и им подобных материалах, можно заключить, что нынешняя модель женской идентичности, присущая многим культурам, которые вовлечены в орбиту постиндустриального мира, значительно шире, чем мужской. Стало быть, естественно ожидать, что доля мужчин, причисляющих себя к типичным представителям своего пола, в таких популяциях будет существенно ниже, чем женщин.

Но это значит, что практическая ценность методики Бем существенно нивелируется. Конкретные результаты, добытые с ее помощью, могут иметь лишь весьма ограниченное значение. Даже при относительно небольшом изменении культурного содержания предмета исследования они оказываются несопоставимыми друг с другом. Следовательно, тест становится почти бесполезным там, где речь идет о реальной половой идентичности человека, обусловленной не его самовосприятием или «гендерными схемами» общества, а факторами, образующими природу индивида и лежащими в основе его личности.

Разумеется, отсюда вовсе не следует, что андрогиния является надуманным феноменом, который никак не проявляет себя в исследованиях по методике Бем. В конце концов далеко не каждый (хотя бы и молодой и амбициозный) мужчина станет добиваться престижа за счет «присвоения» женских (пусть и социально крайне желательных) характеристик. Точно так же не всякой девушке придет в голову принять самые лучшие мужские черты за инструмент завоевания авторитета. Но даже если исходить из не очень большого числа респондентов,

---

[19] См.: *Miller L.R., Billimoria R.M., Pattni M.* Do women want "mew men"? Cultural influences on sex-role stereotypes // Sexualities, evolution & gender. 2000. Vol. 2, N 2. 127–150.

готовых выдать желаемое за действительное, придется согласиться, что значительная часть данных, якобы свидетельствующих об андрогинии, окажется «дутой», т.е. не имеющей под собой реальной почвы.

Конечно, для графолога эта методика более приемлема, чем «визуальный» тест, т.к. позволяет сравнивать выводы, сделанные на основе изучения почерка, с личностью человека, а не сопоставляет их с «физикой». Но при этом она менее валидна и гораздо сложнее в применении. То есть, устраняя одни трудности, она порождает другие. Возможные ошибки графолога нанизываются на искажения, создаваемые психологом в процессе идентификации пола личности. Следовательно, оценка возможностей графологии не только не облегчается, но в чем-то даже еще больше запутывается.

3. Экспериментальная «мистика»: взгляд «сквозь пальцы»

Как же быть? Каким образом соединить простоту и естественность «визуального» теста с преимуществами непосредственного измерения «психологического» пола?

Таким идеальным критерием мог бы стать, например, некий физический маркер, хотя и сопоставляемый с легко измеримыми внешними признаками, но характеризующий личность не в дихотомической качественной системе координат (либо мужчина, либо женщина), а дифференцирующий ее по шкале, где между двумя полюсами лежит целая вереница промежуточных форм, включая «переходные», вовсе не поддающиеся однозначной квалификации и не допускающие категорических выводов. Казалось бы, задача заведомо невыполнима. Где взять «дубликат» первичных половых признаков, который не просто несет в себе количественные градации, но и соотносит внешние признаки с личностными качествами? Но, как ни странно, столь необычный маркер нашелся. Причем оказалось, что он известен достаточно давно и подробно изучен применительно к целому ряду проявлений, сопряженных с полом.

Еще в середине прошлого столетия была экспериментально установлена взаимосвязь между соотношением длин указательного и безымянного пальцев обеих рук (от ладони до кончика) и полом человека[20]. Было высказано предположение, что оно формируется в

---

[20] См.: *Phelps V. R.* Relative index finger length as a sex influenced trait in mark // American journal of human genetics. 1952. Vol. 4, N 1. P. 72–79.

эмбриональный период развития организма и обусловлено влиянием уровня половых гормонов в среде его обитания[21]. Причем критической считается стадия между 7-й и 24-й неделями, когда воздействие андрогенов на плод достигает максимальной интенсивности (с пиком на 18-й неделе)[22].

Это «числовое соотношение» (2D:4D) стабилизируется у двухлетнего ребенка. Несмотря на флуктуации в гормональных влияниях, происходящих в различные периоды жизни человека – и особенно в фазе полового созревания, оно остается практически неизменным[23]. Как показал сравнительный анализ результатов пяти обширных исследований взаимосвязи половой идентичности и соотносительных длин указательного и безымянного пальцев, возраст не играет в ней практически никакой роли. Корреляция между ним и этим маркером чрезвычайно слаба. Во всех комбинированных выборках она оставалась в диапазоне от – 0,022 до + 0,063 как для левой и правой руки, так и для мужчин и женщин ($p > 0,05$). Даже отдельно взятые длины пальцев (без учета их соотношения) меняются с возрастом незначительно. Их корреляция составляет в среднем 0,034 (при $p = 0,093$) и потому вряд ли может повлиять на другие соотношения[24].

Зато наблюдается тесная связь маркера 2D:4D, например, с такими параметрами, как количество спермы, репродуктивность и т.д. Правда, данные об этом получены в основном на небольших выборках и нередко противоречат друг другу[25]. Тем не менее, несмотря на возможные ошибки и непоследовательность в количественных оценках тех или иных свойств и их соотнесении между собой, сам факт

---

[21] См.: *Phelps V.R., Gam S.M. et al.* Early prenatal attainment of adult metacarpal-falanged rankings and proportions // American journal of physical anthropology. 1975. Vol. 43, N 3. P. 327–332; *Luther-maya S., Baron-Cohen S. et al.* 2nd to 4th digit ratios, fetal testosterones, and estradiols // Early human development. 2003. Vol. 77, N 1. P. 23–28.

[22] См.: *Wilson J.D.* The role of androgens in male gender role behavior // Endocrine reviews. 1999. Vol. 20, N 5. P. 726–737.

[23] См.: *Manning J.T., Scutt D. et al.* The ratio of 2nd and 4th digit length: A predictor of sperm numbers and concentration of testosterone luteinizing hormone estrogen // Human reproduction. 1998. Vol. 13, N 11. P. 3000–3004.

[24] См.: *McFadden D., Loehlin J.C. et al.* The reanalysis of five studies on sexual orientation and the relative length of the 2nd and 4th fingers (the 2D:4D ratio) // Archives od sexual behavior. 2005. Vol. 34, N 3. P. 348 (P. 341–356).

[25] См.: *Putz D.A. Gaulin S.J.C. et al.* Sex hormones and finger length: What does 2D:4D introduve? // Evolution of human behavior. 2004. Vol. 25, N 3. P. 182–199.

сопряженности «числового соотношения» с проявлением качеств, обусловленных полом, не подлежит сомнению.

Древним казалось, что соотношение длин указательного и безымянного пальцев в идеале колеблется вокруг «единицы». Недаром в хирогномических учениях их равенство представлялось как признак уравновешенности характера и естественности наклонностей индивида. Этой точки зрения многие придерживаются и по сей день.

Считается, что у мужчин указательный палец обычно короче безымянного. Что же касается женщин, то у них он, наоборот, длиннее. При этом женщинам с «обратным» соотношением присуща высокая маскулинизация, выявляемая, в частности, посредством методики Бем[26]. Зато мужчины с безымянным пальцем длиннее указательного воспринимаются противоположным полом как более мужественные и «доминантные» фигуры[27].

Однако опыт показывает, что в действительности не просто встречаются весьма ощутимые отклонения от «единицы» в ту или другую сторону. Сами близкие к ней значения являются столь редкими, что, если принять их за норму, то «нормальные» люди окажутся скорее исключением, чем правилом. Более того, есть основания полагать, что граница, разделяющая мужские и женские типы, проходит не в районе «единицы», а несколько смещена влево, в сторону меньших значений.

Несмотря на довольно широкие вариации «числового соотношения» в человеческих популяциях, лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией (гомосексуальные мужчины и женщины) не «размазываются» по всему этому диапазону, а как бы «запираются» в довольно узком промежутке. По мнению Дж. Мэннинга и С. Робинсон, он ограничивается с двух сторон значениями 0,96 и 0,97, к какой бы этнической группе индивиды ни относились[28]. Правда, предметом их изучения были только представители белой (европеоидной) расы. Между тем, как показывают другие исследования, даже сами длины пальцев зависят от расовой принадлежности их «хозяев» – от максимальных значений

---

[26] См.: *Csatho A., Osvath A. et al.* Sex role identity related to second to fourth digit length in women // Biological psychology. 2003. V. 62, N 2. P. 147–156.

[27] См.: *Neave N., Laing S., Fink B. & Manning J.T.* Second to fourth digit ratio, testosterone and perceived male dominance // Proceedings of the London royal society. B: Biological sciences. 2003. 270 (1529). P. 2167–2172.

[28] См.: *Manning J.T., Robinson S.J.* 2nd to 4th digit ratio: A universal mean for prenatal testosterone in homosexual men // Medical hypotheses. 2003. Vol. 61, N 2. P. 303–306.

у азиаток до минимальных у американских индейцев. А главное – реальный диапазон колебаний маркера 2D:4D гораздо шире. Так, у тех же белых гомосексуальных мужчин они происходят в пределах 0,953–0,969 и у женщин – 0,959–0,974[29]. Тем не менее, какими бы ни были конкретные значения их «числовых соотношений», похоже, именно ими определяется «водораздел» между мужчинами и женщинами. И хотя эту границу нельзя представлять в виде узкой линии, а скорее следует рассматривать как достаточно широкую полосу, разумно предположить, что она пролегает в диапазоне от 0,950 до 0,980.

Исследователи не раз сообщали о том, что женщины с «числовым соотношением» ниже единицы часто проявляют явные лесбийские наклонности. Однако такого рода данные обычно добываются на выборках, охватывающих индивидов, которые не состоят друг с другом в родственной связи. А стало быть, нельзя с уверенностью говорить о том, чем именно обусловлено значение маркера 2D:4D – генетической предрасположенностью или флуктуациями дородовой среды обитания организма. Вот почему особый интерес приобретает изучение близнецов.

Объектом одного из таких исследований стали 456 женских пар (148 однояйцовых и 308 двуяйцовых). При этом не было обнаружено существенных различий между «зиготными» группами ни по среднему возрасту, ни по «числовому соотношению» на правой руке. Что же касается левой, там оно было чуть выше у двуяйцовых пар.

Внутриклассовые корреляции маркера для правой руки составили 0,66 (SD = 0,03) у однояйцовых близнецов и 0,38 (SD = 0,04) у двуяйцовых. Для левой были получены значения 0,71 (SD = 0,03) и 0,37 (SD = 0,04). Это свидетельствует о существенной генетической обусловленности маркера. Правда, утверждение о том, что «по крайней мере 66 % отклонений 2D:4D обязаны генетическим факторам» и наследуемость этого маркера колеблется от «от среднего уровня до высокого»[30], представляется несколько преувеличенным и малообоснованным. Сами авторы исследования признаются, что близнецовая модель склонна недооценивать влияние внутриутробной среды, хотя она может быть весьма различной даже для однояйцовых близнецов,

---

[29] См.: *McFadden D., Loehlin J.C. et al.* The reanalysis of five studies on sexual orientation and the relative length of the 2nd and 4th fingers P. 351.

[30] *Simon N.P., Kato S. et al.* Heritability of the second to fourth digit ratio (2d:4d): A twin study // Twin research and human genetics. 2006. Vol. 9, N 2. P. 215–219.

в частности, за счет разного гормонального воздействия на зародыши. Тем не менее, фундаментальную роль наследственности в формировании половых наклонностей, как бы закрепляемых «числовым соотношением», вряд ли стоит подвергать сомнению.

Что же касается роли внутриутробной среды, то и она исследовалась на близнецовом материале. Рассматривались семь пар однояйцовых близнецов женского пола с неодинаковой ориентацией. Первая сестра была лесбиянкой, а вторая — гетеросексуальной. В качестве «контрольной» группы выступали пять пар аналогичных близнецов, но с совпадающей (лесбийской) ориентацией. Измерения показали, что лесбиянки из числа «разнонаправленных» близнецов обладают гораздо более низким «числовым соотношением» на обеих руках, чем их гетеросексуальные сестры. Что же касается «одинаковых» близнецов, то у них не обнаружилось существенных различий ни на одной руке[31]. А поскольку однояйцовые близнецы имеют практически тот же самый состав генов, можно предположить, что различия в их половой ориентации вызываются скорее особенностями среды, в которой зарождается и формируется организм.

Этот вывод подтверждается и другим исследованием, в котором рассматривались девять пар близнецов противоположных полов и 19 — одного пола. Средний возраст их равнялся 10,2 года. Значение маркера на левой (но не правой) руке у девочек было значительно ниже в разнополых парах. Это позволяет предположить, что высокий уровень андрогенов в дородовой среде, предназначенной для «обслуживания» организма мальчика, вызывает маскулинизирующий эффект у его близнеца женского пола[32].

Нередко можно услышать о противоречивости результатов изучения связи между «числовым соотношением» и половым поведением. Однако она обусловлена не столько самими данными, сколько их пониманием и истолкованием. Так, в одной из недавних работ вычислялись значения этого маркера у 409 взрослых индивидов, а затем сопоставлялись с их половой ориентацией, представляемой как некий

---

[31] См.: *Hall L.S., Love G.T.* Finger-length ratios in female monozygotic twins discordant for sexual orientation // Archives of sexual behavior. 2003. Vol. 32, N 1. P. 23–28.

[32] См.: *Anders S.M. van, Vernon P.A., Wilbur C.J.* Finger-length ratios show evidence of prenatal hormone-transfer between opposite-sex twins // Hormones and behavior. 2006. Vol. 49, N 3. P. 315–319.

«континуум» – от явно гомосексуальных до столь же выраженных гетеросексуальных форм. Была найдена существенно отрицательная корреляция 2D:4D с гомосексуальностью женщин во всех ее проявлениях (фантазиях, влечениях, действиях и т. д.). Но того же не было обнаружено у мужчин. Отсюда был сделан вывод о том, что нарушается симметрия между полами и тем самым данные выглядят не очень последовательными[33].

Между тем в полученных результатах нет ничего неожиданного и тем более удивительного. Высокое «числовое соотношение» (больше единицы), естественное для женщин, у мужчин приобретает аномальный оттенок. Точно так же низкое значение его (меньше единицы), будучи «чисто мужским», как бы маскулинизирует женщину. Тем самым она демонстрирует скорее мужские наклонности, тогда как мужчина с «женским» маркером выступает ее зеркальной противоположностью. Это значит, что он не просто тянется к «своему» полу, но, в отличие от женщин, домогающихся «активного» положения в однополых связях, довольствуется в партнерстве с другими мужчинами «пассивной» ролью. И если рассматривать, наряду с гомосексуальностью индивида, также роль, на которую он претендует, симметрия между полами тут же восстановится, и данные покажутся вполне согласованными между собой.

Это подтверждается и корреляцией маркера 2D:4D со спортивными достижениями. Индивиды с короткими указательными пальцами (по сравнению с безымянными) превосходят остальных в тех видах спорта, где требуются сила, скорость, выносливость и другие качества, обычно связываемые с мужским полом. Причем эта закономерность прослеживается не только у самих мужчин, но и среди женщин, для которых более естественным является «обратное» соотношение.

Дж. Мэннинг и Р. Тейлор сравнивали «числовое соотношение» у 528 мужчин с их спортивным «рангом», который определялся (по 10-балльной шкале) на основе представленных ими самоотчетов. Чуть меньше половины участников принадлежали к беговым дисциплинам, свыше одной седьмой – играли в футбол, да и остальные виды подразумевали высокие силовые и скоростные качества. Оказалось, что даже если отвлечься от возраста, опыта и характера деятельности, существует значительная отрицательная корреляция между соотносительными

---

[33] См.: *Kraemer B., Nell Th. et al.* Finger length ratio (2d:4d) and dimensions of sexual orientation // Newropsychobiology. 2006. Vol. 53, N 4. P. 210–214.

длинами указательного и безымянного пальцев и спортивными успехами ($b = -22{,}73$; $F = 10{,}99$; $p = 0{,}01$).

Кроме того, результаты измерений этого маркера, взятых у 304 бывших и действующих британских профессиональных футболистов, были сопоставлены с данными от 533 «контрольных» лиц (мужчин). Выяснилось, что у профессионалов значения 2D:4D гораздо ниже, чем у «любителей». Более того, те из них, кому удается выйти на международный уровень, демонстрируют еще более «убедительные» результаты по сравнению с остальными игроками. Правда, авторы выводят отсюда весьма странное заключение о том, что такое преимущество у индивидов с малыми «числовыми соотношениями» обусловлено воздействием дородового тестостерона на развитие правого полушария их мозга и зрительно-пространственных способностей, а также кардиоваскулярной системы[34]. Однако оно, будучи чисто спекулятивным, не может бросить тени на сам факт сопряженности маркера 2D:4D со спортивными достижениями, которые поддерживаются скорее выраженностью в индивиде типично мужских физических и личностных качеств.

Хотя исследования связи «числового соотношения» с женскими успехами в спорте проводятся значительно реже, но и они убедительно свидетельствуют о ее существовании. Так, в одном из них у 31 взрослой женщины (от 25 до 79 лет) измеряли длину от начала ближней к ладони фаланги до оконечности внешней безымянного и указательного пальцев обеих пук, а затем вычисляли их среднее соотношение. А спортивные достижения определяли по наивысшим результатам, полученным участниками в соревнованиях по 12 видам (плавание, бег, гимнастика, гольф, лыжи, крикет и т. д.). Как и в случае с мужчинами, была зафиксирована существенная отрицательная корреляция успехов в спорте с «числовым соотношением» ($b = -4{,}93$; $p = 0{,}01$). Особенно сильно она проявляется в беговых дисциплинах ($b = -68$; $p = 0{,}034$). Немногим уступают им футбол и гольф[35]. Но в любом случае практически по всех видах спорта можно без особого риска ошибиться предсказать, что более высокого результата – при прочих равных условиях, а иногда

[34] См.: *Manning J.T., Taylor R.P.* Second to fourth digit ratio and male ability in sport: Implixations for sexual selection in humans // Evolution of human behavior. 2001. Vol. 22, N 1. P. 61–69.

[35] См.: *Paul S.N., Kato B.S. et al.* The big finger: The second to fourth digit ratio as a predictor pf sporting ability in women // British journal of sports medicine. 2006. Vol. 40, N 12. P. 982 (981–983).

даже и без них – добьется тот индивид, у которого меньше значение «числового соотношения».

Таким образом, в начале нынешнего столетия в распоряжении исследователей оказались сразу два достаточно надежных инструмента дифференцированной идентификации «личностного пола». Первый из них – методика Бем – выявлял половую роль, которую склонен играть индивид. Правда, его нельзя было назвать идеальным по точности и обоснованности. Но зато он не ограничивался «дихотомическим» разделением людей на мужчин и мужчин, а выделял также промежуточные типы, не сводимые ни к одной из этих категорий. Второй инструмент – соотношение длин указательного и безымянного пальцев при том, что он работал практически без сбоев, – был вдобавок прост в применении и точен в оценках. Как показывали многочисленные и разнообразные исследования, с его помощью легко улавливается половая идентичность индивида как в физическом, так и в личностном смысле. Более того, он позволяет не просто выделить «переходные» типы, но и «измерить» их по шкале «женственность – мужественность» (в зависимости от величины маркера 2D:4D). Вот почему можно с полным правом утверждать, что к этому времени сложились необходимые условия для повторения опыта Бине в «рафинированном» виде. Неудивительно, что вскоре возникла идея прибегнуть к этим двум инструментам для проверки возможности идентификации пола по почерку.

4. Окончательный вердикт: не ошибка, а предвосхищение

Такой эксперимент был поставлен в начале нынешнего столетия. В нем участвовало 120 человек, ровно половина которых принадлежала к женскому полу. В большинстве своем они были студентами-психологами младших курсов. Средний возраст их равнялся 22 годам, хотя разброс составлял от 18 до 55 лет. При этом шесть мужчин и семь женщин являлись «леворукими», а один мужчина и вовсе «двуруким».

Другая группа студентов (более старших курсов) выполняла роль «судей». По среднему возрасту они не сильно отличались от непосредственных участников, хотя диапазон был значительно уже – от 19 до 27 лет. Их задача заключалась в рассмотрении образцов письма, полученных от испытуемых (по шесть полных строк – от одного поля до другого) и выведенных на монитор компьютера, и определении пола по этим образцам. Писавшие не просто подразделялись на две категории – мужчин и женщин, но и ранжировались по шкале

«мужественность – женственность». Наиболее выраженному «мужскому» почерку присваивался 1 балл, тогда как самому «женскому» – 5 баллов.

Кроме того, испытуемые заполняли опросный лист половой роли (по методике Бем) – с той лишь разницей, что из перечня определений были исключены два пункта, где непосредственно фигурировали слова «женственный» и «мужественный», а при обработке данных не использовалась шкала «социальной желательности». Собранные результаты сравнивались с половой дифференциацией участников по маркеру 2D:4D, вычисляемому на основе прямого измерения длин соответствующих пальцев. Наконец, те и другие оценки половой идентичности участников сопоставлялись с выводами «судей», вынесенными по образцам письма.

Доля правильных «графологических» суждений, если исходить из «визуального» пола (первичных половых признаков), составляла 66,67 % для мужчин и 66,08 % для женщин. Это весьма близко к результатам как Бине, так и многих последующих опытов, в том числе проведенных относительно недавно. А если не использовать среднюю категорию, которой присваиваются три балла, то результаты могут стать еще выше. Скажем, в одном из таких опытов было зафиксировано 70,88 % правильных идентификаций по отношению к мужчинам и 71,5 % – к женщинам[36]. Однако, если бы дело этим ограничивалось, итоги эксперимента вряд ли вызвали сколько-нибудь значительный интерес.

Гораздо важнее то, что пол каждого из 120 испытуемых, идентифицируемый «судьями», хорошо коррелировал как с выводами, извлеченными по методике Бем, так и с «числовым соотношением». Чем меньше единицы оно было, т.е. чем короче «второй» палец по сравнению с «четвертым», тем больше почерк характеризовался как «мужественный». И, наоборот, чем значительнее маркер превышал единицу, а стало быть, чем длиннее указательный палец безымянного, тем более «женственным» казался почерк «судьям». Особенно выпукло это проявлялось в отношении правой руки.

Точно так же лица, у которых мера «женственности» по методике Бем была выше, обладали большим «числовым соотношением» на обеих руках. И хотя в случае малых значений маркера 2D:4D (меньше

---

[36] См.: *Hays W.N.* Identifying sex from handwriting // Perceptual and motor skills. 1996. Vol. 83, N 3. P. 791–800.

единицы) их корреляция с результатами идентификации «половой роли» являлась не столь выраженной, в целом взаимосвязь между «ранжированием» по методике Бем и «числовым соотношением» не вызывала сомнений[37].

В эксперименте в качестве «судей» участвовали молодые люди, уже получившие достаточно солидную психологическую подготовку и разбиравшиеся в вопросах личности и ее половой идентичности. Хотя их трудно причислить к графологам, они проявляли внимание и к почерку. Вот почему интерес представляют не только сделанные ими выводы, но и сами критерии, на которых те строились.

По окончании работы «судьи» давали пояснения о характерных особенностях мужского и женского письма, используемых для идентификации пола. Как ни странно, была зарегистрирована довольно существенная мера согласия между разными «судьями». Так, большинство их приписывало мужскому почерку беспорядочность, наклонность и угловатость, тогда как женский ассоциировался скорее с округлостью, опрятностью и разборчивостью. Солидарны они были и в том, что женщины декорируют некоторые буквы (особенно «е» и «d»).

Это стоит в одном ряду с материалами другого исследования с британскими старшеклассниками и студентами 17–25 лет. Ими мужской почерк воспринимался как грязный, неряшливый, более мелкий, небрежный и угловатый. В свою очередь, женскому придавались такие черты, как округлость, аккуратность, размашистость, «дугообразность» точек и т.д.[38]

Подобные тенденции свойственны не только европейцам, но и представителям других цивилизаций. Как показывают кросс-культурные исследования, общее разграничение мужских и женских почерков осуществляется практически по тем же основаниям, и достигаемые результаты также примерно одинаковы. Различаются только нюансы. Скажем, если западные «судьи», говоря о «женском» письме, ставят акцент на округлости, то их коллеги из народности урду (Южная Азия)

---

[37] См.: *Beech J.R., MacIntosh.* Do differences in sex hormones affect handwriting style? Evidence from digit ratio and sex role identity as determinants of the sex of handwriting // Personality and individual differences. 2005. Vol. 39, N 3. P. 463–464 (P. 459–468).

[38] См.: *Burr V.* Judging gender from samples of adult handwriting: Accuracy and use of cues // Journal of social psychology. 2002. Vol. 142, N 2. P. 291–300.

больше подчеркивают изысканность и украшательство[39]. Хотя, даже не вникая в детали, можно заметить, что в обоих случаях речь идет, по большому счету, об одном и том же.

Любопытно и то, что вновь, как в ранних опытах, не обнаруживается «пропасти» между суждениями опытных «дилетантов» (лиц, хотя и далеких от графологии, но близко знакомых с почерком) и лучших графологов. Разница в результатах, если их сравнивать с «визуальными» оценками, обычно не превышает 15–20 %. Это обстоятельство нередко служит еще одним аргументом против графологии. Мол, если достижения «профессионалов» столь незначительно превосходят «любительские», о каком знании может идти речь? Более того, подчас он утрируется настолько, что приобретает и вовсе карикатурную форму.

Так, по словам А. Джансена, в его экспериментах «подготовленные» графологи, с одной стороны, и обычные психологи и дилетанты – с другой, пытались из «нейтральных» образцов почерка «выудить» такую, например, черту, как энтузиазм. Результаты мало отличались друг от друга. Более того, ни те, ни другие не смогли преодолеть «порог случайности», т.е. их достижения были примерно такими же, как если бы ответы давались методом «тыка» или по жребию (без всякого понятия о взаимосвязях почерка и личности)[40].

В том, что успехи профессиональных графологов не были на порядок лучше, чем у опытных психологов, нет ничего сверхъестественного. С одной стороны, среди графологов есть множество малокомпетентных людей, которых привлекает лишь мода на необычное и таинственное, и даже откровенных шарлатанов, не имеющих представления не только о почерке, но и о самой человеческой личности. И было бы странным, если они могли показать высокие результаты. С другой стороны, так называемые дилетанты, участвующие в подобных экспериментах, обычно являются хорошо образованными и довольно компетентными людьми, близко знакомыми с письмом (психологами, учителями и т.д.). Если они и уступают в знании почерка квалифицированным графологам, то разрыв этот вряд ли носит непреодолимый характер. Следовательно, их результаты должны быть, хотя

[39] См.: *Hamid S., Loewenthal K.M.* Inferring gender from handwriting in Urdu and English // Journal of social psychology. 1996. Vol. 136, N 6. P. 778–782.

[40] См.: *Jansen A.* Validation of graphological judgments: An experimental study. The Hague: Mouton, 1973.

и существенно разными, но не бесконечно далекими друг от друга. Это вполне естественно и свидетельствует не только о безусловной основательности графологии, но и том, что способность «читать» почерк укоренена в человеческом сознании. Что же касается специального обучения, то оно лишь углубляет и заостряет ее.

Именно это обстоятельство и фиксируется регулярно в многочисленных опытах, начиная с Бине и кончая недавно проведенными экспериментами. А вот в непреодоление порога случайности трудно поверить. Подавляющее большинство экспериментов показывает, что суждения экспертов располагаются далеко за этим порогом. И это относится не только к квалифицированным графологам, но и к тем, кого принято называть дилетантами. И, чтобы не высказывать подозрения в недобросовестности или методической некорректности проводимых Джансеном работ, остается лишь предположить, что графологи попадались ему не самые компетентные, а дилетанты – малообразованные. В противном случае он получил бы ту же картину, которая возникает в любой студенческой аудитории, когда 60-процентный рубеж оказывается нижним порогом, дальше которого количество «правильных» ответов обычно не опускается.

Однако все это лежит на поверхности. Между тем, как говорится, черт скрывается в деталях. Чтобы заметить подлинную разницу в уровне понимания почерка между «профессионалами» и «любителями», следует поставить отдельный эксперимент, в котором предметом рассмотрения стали бы исключительно (или по преимуществу) «переходные» типы. При этом в качестве «контроля» можно использовать все то же «числовое соотношение» – отдельно или в сочетании с методикой Бем. Практически нет сомнений, что в этом случае суждения графологов и «дилетантов» уже не будут столь близкими. Превосходство первых над вторыми достигнет гораздо более значительного уровня. Что и станет лучшим доказательством того, что графологии, как и любому другому ремеслу, все-таки надлежит учиться.

Самые простые операции зачастую под силу талантливым «чужакам». Что же касается сложных, то они даются не каждому «мастеру». Это хорошо иллюстрируется примерами из математики. Когда речь идет о достаточно легких задачах, сообразительность нередко компенсирует нехватку знаний. Но сама по себе она становится беспомощной, как только осмысление задачи требует особых понятий, без которых даже нельзя представить себе объект, с которым предстоит иметь дело.

Так и в графологии. Пока вопрос ставился упрощенно и, по существу, неверно – о разделении людей на две категории (мужчин и женщин), которые, ничем не отличаясь внутри себя, должны были соответствовать критериям (первичным половым признакам), не имевшим никаких непосредственных связей с признаками почерка, возникало ложное впечатление, что не нужно быть графологом, чтобы почти на его уровне решать поставленную задачу. Но стоит только уточнить вопрос, вернуть его на разумную почву, опираясь на количественную градацию «мужественности» и «женственности» и выделение особых «переходных» типов, и это кажущееся совпадение результатов рассеется, как дым. Тогда-то как раз и проявит себя выпукло графологическая квалификация.

Таким образом, становится очевидным, что относительно высокая доля основанных на почерке «ошибочных» (не совпадающих с «визуальной» оценкой) суждений (от пятой части до двух третей) о поле писавшего обусловлена не отсутствием связей между полом и почерком или их искажением в графологической теории, а скорее сложностью и неоднозначностью самой половой идентичности. Как только она рассматривается более дифференцированно, с учетом количественных градаций и переходных типов, число «ошибок» не просто сокращается. Выясняется, что подавляющая их часть относится как раз к «переходным» фигурам, т.е. к тем, которые в мужском теле содержат женскую душу или наоборот – женскую в мужском. Это с одной стороны. А с другой – более «дробные» (дифференцированные) графологические суждения в тенденции совпадают с количественно «градуированными» оценками, вынесенными на базе маркера 2D:4D или методики Бем. Иначе говоря, эти суждения оказываются даже ближе к реальному (личностному) полу человека, нежели дихотомические выводы из «визуальных» наблюдений (первичных половых признаков).

В то же время оценки, выносимые с помощью методики Бем, не просто хуже согласуются с «числовым соотношением», нежели суждения, основанные на почерке. Если для «женственных» личностей – с высоким значением маркера – их корреляция остается в целом достаточно приемлемой, сразу же начинается разнобой, как только предметом рассмотрения становятся «мужественные» фигуры. Между тем графологические выводы одинаково тесно перекликаются со значениями этого маркера, к какой бы области они ни относились.

Не говоря уже о том, что сама мера корреляции тут оказывается более высокой.

Почерк как «зеркало» пола: от психологии к физиологии

Эксперименты, не просто раскрывающие возможности идентификации пола по почерку, но и сопоставляющие их с потенциалом других диагностических средств, проводятся, к сожалению, не так уж часто. И, естественно, материала для широких обобщений пока еще недостаточно. Вот потому интерес вызывает любая попытка опытного изучения реальной взаимосвязи почерка с половой идентичностью личности.

Это обстоятельство привело к идее поставить небольшой эксперимент с использованием той же триады — «числового соотношения», графологических заключений и опроса по методике Бем. Однако дело было не только и не столько в необходимости перепроверки и уточнения полученных ранее результатов, хотя и это соображение не должно считаться праздным. Несколько иными представлялись структура и направленность самого опыта.

В основе замысла лежала фундаментальная роль «числового соотношения», которое, в конечном счете, предопределяет личностный пол человека. Это вовсе не значит, что между «психологической» идентичностью и ее физиологическим основанием, выражаемым «числовым соотношением», ставится знак равенства. Нет никаких сомнений, что личностный пол, формируясь в течение двух с лишним десятилетий, пропускает собственные предпосылки, чья «кристаллизация» завершается в основном к двухлетнему возрасту, сквозь призму жизненного опыта индивида, его социализации и адаптации к окружающим реалиям. Тем не менее, именно эти предпосылки задают общие рамки развития личности, которые она не в силах преступить. Вся ее дальнейшая эволюция является лишь развертыванием и дифференциацией надстройки, возвышающейся над этим базисом, суть которого передается маркером 2D:4D и, в свою очередь, отнюдь не сводится к исходной генетической программе, гораздо лучше характеризуемой первичными половыми признаками.

Если бы дело обстояло иначе, личностный пол лишился бы реальной почвы в организме человека и, повиснув в воздухе, превратился бы в теоретическую фикцию. Следовательно, при всем расхождении его со своей физиологической основой, разрыв между ними не должен быть чрезмерно большим, и уж тем более они не носят

противонаправленного характера. И хотя «числовое соотношение» тоже нельзя считать абсолютным маркером половой идентичности, тем не менее, оно локализует ее на определенном участке «полового континуума».

Если согласиться с такой постановкой вопроса, придется признать и то, что «числовое соотношение» может служить – пусть и довольно грубым – критерием точности графологических суждений о поле. Причем они могут сравниваться с ним как непосредственно, так и при сопоставлении с другими диагностическими средствами. Однако интересна не столько сама по себе корреляция этих суждений с «физиологическим» маркером, сколько возможность «предсказания» его значений, принадлежащих тем или иным лицам, на основе рассмотрения их почерка.

Для проведения опыта, прежде всего, были отобраны образцы почерков нескольких десятков студентов из ранее выполненных ими письменных работ. Затем их просили заполнить опросник Бем. После выведения показателей всех участников по шкалам мужественности и женственности на отдельных листочках («досье») были записаны их места в классификации Бем. Наконец, у каждого участника измерили длины указательного и безымянного пальцев правой руки и вычисленные на этой основе «числовые соотношения» занесли в те же «досье». Все это делалось без участия графолога, и с содержанием записей он, естественно, не был знаком.

Когда предварительная работа была завершена, из всего массива образцов в случайном порядке были выбраны шесть (рис. 1–6), которые и стали непосредственным предметом графологического анализа. Задача графолога состояла в том, чтобы не просто идентифицировать пол «хозяина» почерка, но и, дав ему краткую характеристику, подобрать соответствующее «числовое соотношение». По тому, какова доля «правильных» идентификаций, т.е. совпадений как с «физическим» полом, так и с «числовым соотношением», предполагалось судить об успехе или неудаче обоих диагностических средств (графологических суждений и методики Бем).

Количество образцов, подлежавших рассмотрению, конечно же, не было случайным. С одной стороны, имелось в виду максимально усложнить сопоставление почерка с «физиологическим» маркером и тем самым минимизировать возможность случайного успеха. А с другой – число «подопытных» не должно было превышать определенную разумную величину. Иначе внимание «судьи» рассеялось бы и расползлось

и культуре опред-ся тем, что эти
люди творят историю "положительного"
или "отрицательного", это не важно.
Например, великие полководцы, цари
[redacted] своими поступками определяют
поступки всего человечества (ну, по крайней
мере, страны, гос-ва). А тех, кто не выдаю-
щиеся, можно назвать "серой массой".
Такие люди предпочли, чтобы ими "управ-
ляли".
– Моё мнение распространяется и на
писателей, философов и т.д.
Наверное, все выдающиеся люди облада-
ли "магнетизмом": их слушали, за ни-
ми шли. Таким образом получается, что
"серая масса" под "предводительством"

Рис. 1. Образец 1а. Девушка. Числовое соотношение – 0,97. Ярко выраженный женский тип (по Бем)

По моему мнению человека характеризуют
поступки. ~~Однако этот~~ Если взять
в пример Петра I, то мы узнаем
только выдающиеся его деяния, но мы
забываем о том сколько крови стоили
эти деяния. В любом литературном
произведении мы ценим героя
за его поступок. ~~Так по-моему~~
~~Я считаю только нашим за~~

Рис. 2. Образец 2а. Юноша. «Числовое соотношение» – 0,93. «Классический» андрогин (по Бем)

Рис. 3. Образец 3а. Юноша. «Числовое соотношение» – 0,973. Женский тип, близкий к андрогинии (по Бем)

Рис. 4. Образец 4а. Девушка. «Числовое соотношение» – 0,953. Женский тип (по Бем)

настолько, что осмысленное сравнение двух рядов (образцов почерка и «числовых соотношений») стало бы попросту невозможным. В конце концов было решено, что число 6 является оптимальным. Ибо шесть элементов еще можно удержать в фокусе сознания, и в то же время они позволяют снивелировать роль случайности до приемлемого уровня.

Рис. 5. Образец 5а. Девушка. «Числовое соотношение» – 1,03. Ярко выраженный женский тип (по Бем)

Вероятность случайного угадывания даже одной-единственной «правильной» пары (почерка и «числового соотношения») из шести возможных составляет 1/6. Если же говорить о более серьезном достижении, например, точном сопоставлении половины образцов со значениями «физиологического» маркера, то его можно объяснить случайным совпадением с вероятностью 0,83 %. А шансы на получение максимального результата при совершении «ненаправленных» действий и вовсе ничтожны – ниже 0,14 %. Отсюда можно заключить, что даже установление трех-четырех «правильных» соответствий является безусловным свидетельством эвристической силы графологии.

Первым делом графологом определялся «физический» пол писавших. На каждый образец расходовалось по нескольку минут. Затем были составлены краткие характеристики, на основе которых идентифицировались «числовые соотношения» лиц, вошедших в «шестерку». Они тоже не заняли слишком много времени (по 10–15 минут), хотя и потребовали более внимательного отношения. Как выяснилось, все эти выводы соответствовали данным, содержавшимся в «досье» участников опыта.

А что же методика Бем? Как она проявила себя? Насколько ее результаты коррелировали с «числовым соотношением»? Уступала ли она графологическим суждениям или превосходила их?

По моему любой параметр человека можно условно обозначить каким-то числом и сравнить с параметром другого человека (время за которое человек пробегает стометровку, обаяние, богатство, мудрость, красота, интеллект, и т.д.). Не будем вдаваться в подробности о том, как эти параметры достигли своих значений: в результате упорного труда или от рождения.
И когда какой-то из этих параметров или сумма параметров начинает сильно превосходить среднее значение для своей возрастной группы он становится выдающимся.

Рис. 6. Образец 6а. Юноша. «Числовое соотношение» – 1,013. «Классический» андрогин (по Бем)

В целом оценки, построенные на данных опроса по этой методике, укладывались в рамки ожиданий, хотя они были не просто хуже графологических, но подчас противоречили даже здравому смыслу. Если в отношении «женственных» особ еще сохранялось какое-то согласие с реальностью, то характеристики «мужественных» казались совершенно оторванными от нее. И, хотя это обстоятельство многократно отмечалось и в других опытах, в данном случае расхождения с графологическими выводами (и «числовыми соотношениями») выглядели слишком разительными (табл. 2).

Таблица 2

«Досье» участников опыта А

№ п/п	«Физический» пол (по паспорту)	«Числовое соотношение»	Место в классификации по методике Бем	Графологическая характеристика
1	2	3	4	5
1а.	Женский	0,97	Ярко выраженный женский тип	Девушка с выраженными мужскими чертами – твердая, осмотрительная, рассудительная. Ей недостает гибкости и обходительности, хотя она предпочитает не обострять отношения.

1	2	3	4	5
2а.	Мужской	0,93	«Классический» андрогин	Юноша – романтичный, эмоциональный, импульсивный. Образное мышление у него развито сильнее, нежели логическое. Идеи, которыми он увлекается, настолько захватывают его, что начинают руководить поступками.
3а.	Мужской	0,973	Женский тип, близкий к андрогинии	Юноша с легким налетом женственности. Способен к живому ассоциированию, в котором, однако, преобладают смысловые связи. Склонен к оригинальничанью, но без вычурности.
4а.	Женский	0,953	Женский тип	Девушка – твердая и даже «упертая». Не сентиментальна, хотя у нее нет и особой тяги к рефлексии. Осторожная и целеустремленная.
5а.	Женский	1,03	Ярко выраженный женский тип	Девушка с хорошей организацией мысли. Мягкая, но не податливая и даже по-своему расчетливая. Свои результаты готовит «издалека», давая им «созреть».
6а.	Мужской	1,013	«Классический» андрогин	Юноша с явными женскими проявлениями – чувствительностью, вкрадчивостью, желанием нравиться. Но импульсивен и подвержен постоянным колебаниям настроения.

Правда, следует оговориться, что подобная точность графологических суждений обусловлена не столько компетентностью эксперта,

сколько относительной простотой самой задачи. И дело даже не в том, что ввиду не очень большого количества идентификаций значение случайных факторов остается все-таки довольно высоким. Гораздо важнее своеобразие личностей, оказавшихся в выборке. Они были настолько разными и далекими друг от друга по своей половой идентичности, что труднее было что-то перепутать, нежели попасть точно в цель. Если бы они выглядели более «однородными» и близкими по своим половым ориентациям, ошибок вряд ли удалось избежать.

Исходя из этих соображений, было решено повторить эксперимент. Однако в его конструкцию предполагалось внести некоторые изменения. В первом случае образцы почерков сопоставлялись с «числовыми соотношениями» непосредственно графологом на основе кратких характеристик, которые он давал писавшим. Но наверняка он опирался не только на них. Какую-то роль могли играть и другие, подчас неосознаваемые интуитивные влияния, идущие вразрез с этими характеристиками. Поэтому возникла идея слегка формализовать процедуру сопоставления.

Графолог называет «физический» пол писавшего и выносит ему числовую оценку по семибалльной шкале, где единица означает максимальный уровень «женственности», семерка – предельную «мужественность», а четверка – самое «неразделимое» переплетение обоих факторов. Что же касается «спаривания» образцов почерков со значениями «физиологического» маркера, то оно происходит автоматически – по количеству баллов, выставленных графологом. Чем они выше, тем более «мужским» должно быть соответствующее «числовое соотношение». А при равенстве баллов решающим фактором становится то, к какому полу отнесен индивид. Если же и эти показатели одинаковы, бросается жребий.

На рассмотрение графологу были представлены еще шесть образцов почерков, выбранных в случайном порядке из первоначальной совокупности. Как и было условлено, тот обозначил «физический» пол писавших, а затем определил их личностную половую идентичность по семибалльной шкале «мужественности – женственности». Эти данные были занесены в «досье», где уже были «числовые соотношения» и результаты опроса по методике Бем (табл. 3).

Как и в первом опыте, в выборку попали по три мужских и женских почерка. Однако теперь они уже не отличались столь явным

Таблица 3

«Досье» участников опыта В

№ п/п	«Физический» пол (по паспорту)	«Числовое соотношение»	Место в классификации по методике Бем	Графологическая характеристика	
				«Физический» пол	«Числовое соотношение»
1b.	Мужской	0,949	Мужской тип	Юноша	0,972
2b.	Женский	0,972	Женский тип	Скорее юноша, чем девушка, но не исключено и обратное	0,949
3b.	Женский	1,045	Женский тип	Девушка	1,045
4b.	Мужской	1,014	«Классический» андрогин	Юноша	1,014
5b.	Мужской	0,889	«Классический» андрогин	Юноша	0,889
6b.	Женский	0,974	Ярко выраженный женский тип	Девушка	0,974

своеобразием, да и «числовые соотношения» троих их «хозяев располагались весьма компактно. Это означало, что графолог столкнется тут с гораздо большими затруднениями.

Прежде всего, существенно увеличилось время, потраченное на идентификацию пола. Некоторые из образцов пришлось рассматривать по 10–15 минут. Далее, в одном случае (рис. 8) графолог не дал правильного ответа. Точнее, он так и не вынес окончательного вердикта, признав, что, хотя письмо является скорее мужским, чем женским, не исключено, что оно принадлежит девушке. Наконец, тот же образец был неверно сопоставлен с «числовым соотношением». Правда, разница носила не очень существенный характер (0,949 против 0,972), и фактически соседние значения просто поменялись местами. Тем не менее, строго говоря, была допущена ошибка. И она является доказательством того, что при всех достоинствах графологических суждений они также весьма далеки от совершенства.

Мало того. Учитывая тенденцию, следует ожидать, что дальнейшее «выравнивание» почерков и «числовых соотношений», их «локализация» в относительно узком диапазоне неминуемо приведет

Человек относится к животному
миру, значит ему как и любому
подобному живому существу присущи
признаки жить и умереть.
Человек жив, это значит ему [illegible]
[illegible]. передвигаться как материаль-
но так и не материально, но
рано или поздно он умрет. И ему
[illegible] [illegible] потребности и
[illegible] души. [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] (духовные) будут
удовлетворять [illegible] и [illegible],
[illegible] его [illegible], [illegible]
[illegible] и т.д.

**Рис. 7. Образец 1b. Юноша. Мужской тип (по Бем).
«Числовое соотношение» – 0,949**

Что такое человек? Как тело он исследуется
физиологией, как душа – психологией, как социаль-
ное существо – социологией
~~Но~~ Человек – это существо, находящееся в отношении к
Богу. Т.е. мы не сами сотворили себя. Каждый может
подумать о себе, что его вполне возможно могло и не
быть. Это объединяет нас с животными. Но мы не
должны жить, как животные. У человека должна быть
цель в жизни, и он не должен задумываться, что в

**Рис. 8. Образец 2b. Девушка. Женский тип (по Бем).
«Числовое соотношение» – 0,972.**

к «омассовлению» ошибок, допускаемых графологом, и приблизит его результаты к порогу случайности. Однако нельзя не признать, что

Человек относится к животному
миру, значит ему как и другому
живому живому существу присущи
понятия секс и умереть.
Человек знает, что [illegible] ему [illegible]
[illegible] потребности как материальные,
так и не материальные, но
рано или поздно он умрет. И ему
[на] смену [illegible] потребности и
[illegible]. После смерти человека
его потребности ~~[illegible]~~ (духовные) будут
удовлетворять его близкие и родные,
значит его отмаливают, помнят,
поминают и т.д.

Рис. 7. Образец 1b. Юноша. Мужской тип (по Бем).
«Числовое соотношение» – 0,949

Что такое человек? Как тело он исследуется
физиологией, как душа – психологией, как социаль-
ное существо – социологией

~~На~~ Человек – это существо, находящееся в отношении к
Богу. Т.е. мы не сами сотворили себя. Каждый может
подумать о себе, что его вполне возможно могло и не
быть. Это объединяет нас с животными. Но мы не
должны жить, как животные. Человека должна быть
цель в жизни, и он не должен задумываться, что в

Рис. 8. Образец 2b. Девушка. Женский тип (по Бем).
«Числовое соотношение» – 0,972.

к «омассовлению» ошибок, допускаемых графологом, и приблизит его результаты к порогу случайности. Однако нельзя не признать, что

графология в целом справляется с задачей идентификации пола по почерку — особенно на фоне конкурирующих инструментов.

В самом деле, каковы успехи методики Бем? Как она проявила себя там, где графологические суждения начали давать сбои?

Если придерживаться лишь чисто формальной стороны дела, результаты опроса выглядят вполне прилично. В четырех случаях из шести был правильно определен пол респондента. Да и в остальных двух выводы были не столь уж далеки от истины. Юноши были признаны андрогинами, но не представителями противоположного пола. Так что эти результаты, казалось бы, можно оценить на твердую «четверку».

Однако ситуация резко меняется, как только начинается углубление в детали. Первое, что бросается в глаза, — это чрезвычайно высокие баллы, набранные всеми респондентами сразу по обеим шкалам. Это значит, что они стремились максимально «присвоить» себе как можно больше социально желательных качеств, представленных в опроснике. Кроме того, обращает на себя внимание то, что андрогинами оказались двое юношей, один из которых обладает наименьшим числовым соотношением (рис. 11), а другой (рис. 10) превосходит по этому показателю остальных участников, не считая единственной девушки. Но та, в свою очередь, будучи признана графологом самой «женственной» (рис. 9), по методике Бем уступила пальму первенства «сопернице», которая проявила себя в почерке «промежуточной» личностью и имела значительно более низкое «числовое соотношение» (рис. 12). Наконец, к женскому типу была отнесена еще одна девушка с примерно таким же значением «физиологического» маркера, вызвавшая наибольшие затруднения у графолога и причисленная им скорее к «мужественным» индивидам (рис. 8).

Эти обстоятельства, взятые вместе, в очередной раз подтверждают, что методика Бем квалифицирует человека как личность, за которую тот хотел бы себя выдать. А то, кем он в действительности является, остается за рамками ее возможностей. Но и этого мало. Настрой индивида выражается не напрямую, а накладывается на его готовность раскрыть свои ориентации. Если юноша тянется к «женским» формам деятельности, или, наоборот, девушка ощущает в себе преимущественно «мужские» импульсы, вовсе не факт, что их предпочтения обнаружатся при заполнении опросника. Не желая открываться, они скорее покажут не свои внутренние устремления, а то, как те должны выглядеть в глазах окружающих.

В чём истинная природа человека

Если отталкиваться от высказывания, что человек смертен, у которого вытекают два направления, что человек - живое сущ-во, и что человек - смертное сущ-во.

~~Я считаю, что истинная природа человека~~

Истинная природа человека одновременно и в том, что человек это живое и

Рис. 9. Образец 3b. Девушка. Женский тип (по Бем).
«Числовое соотношение» – 1,045

По идее человек рождён для того, чтобы жить, а не для того, чтобы умирать. Понятие „человек смертен" обычно применяется, как подтверждение или напоминание того, что все мы не вечны, и всему рано или поздно приходит конец. Но можно посмотреть на это с другой стороны. Когда мы видим человека, полного энтузиазма и энергии, с чётко поставленной целью в жизни, то сразу можно сказать, что он живой, живой. Когда же мы видим человека не

Рис. 10. Образец 4b. Юноша. «Классический» андрогин (по Бем).
«Числовое соотношение» – 1,014

Природа человека заключается в том,
что хотя он и жив, он каждую секун-
ду осознаёт свою смертность и это
придаёт ему решимость, жизненные
силы, постоянно заставляет человека
ставить перед собой некие цели и
задачи и стремиться к скорейшему
их выполнению. Ценность своей жизни
человек особенно остро ощущает
в моменты, когда находится на
волосок от смерти. Все мы осозна-

Рис. 11. Образец 5b. Юноша. «Классический» андрогин (по Бем). «Числовое соотношение» – 0,889

[illegible]

Рис. 12. Образец 6b. Девушка. «Классический» андрогин (по Бем). «Числовое соотношение» – 0,974

Таким образом, графологические суждения не просто способны достаточно точно выявлять личностный пол человека, но и справляются с этим гораздо лучше, чем известные вербальные диагностические

средства. И превосходство «почерка» как инструмента распознавания личности настолько велико, что обычные тестовые критерии попросту не выдерживают сравнения с ним. Более того, он позволяет «предсказывать» – естественно, в определенных пределах – и физиологическую основу пола, глубоко спрятанную в недрах организма и напрямую не доступную никаким вербальным методам. Следовательно, если графология и сталкивается с какими-то ограничениями при идентификации пола, то они по крайне мере никак не более масштабны, чем те, что присущи ее «конкурентам».

Заключение

Громкий скандал, преследовавший графологию с момента ее превращения в самостоятельную область знания, не просто благополучно разрешен. Он перерос фактически в триумф самой графологии. То, что воспринималось прежде как свидетельство ее несостоятельности, оказалось на деле глубоким прозрением.

Многочисленные и систематические ошибки, допускавшиеся лучшими графологами при идентификации пола, выражали не столько слабость графологии, сколько ее мощь, проникновение в тайны человеческого «Я». Они намекали скорее на «ошибки» природы, помещающей некоторые души в неподходящие им телесные оболочки. А неустранимые коллизии между физическими свойствами индивида и его личностными качествами, отражаясь в почерке, не могли не приводить в замешательство тех, кто пытался найти в нем единую половую ориентацию.

Именно графология одна из первых показала, что дихотомическое разделение людей на мужчин и женщин носит слишком грубый характер, является чрезмерным упрощением. Они отличаются друг от друга не только качественно (как противоположные части целого), но и количественно (как участки континуума, в котором эти части выступают лишь как полюса). Не все женщины одинаково соответствуют своему понятию; одни из них более женственны, чем другие. Точно так же некоторые мужчины в полной мере воплощают в себе мужские характеристики, но встречаются и такие, которые лишь отдаленно напоминают их. А главное – между «выпуклыми» типами мужчин и женщин располагается целая армия (от четверти до трех пятых всей популяции) «переходных» личностей, сей пол с трудом поддается идентификации. Вот почему выводы о нем неизбежно оказываются неопределенными и расплывчатыми.

То, что давно интуитивно улавливала графология, экспериментальную психологию заинтересовало лишь в конце XIX века. Даже спустя несколько десятилетий мало кто из психологов был готов рассматривать половую идентичность человека не в двузначной, а в многозначной системе координат. И только к середине второй половины прошлого столетия началось прощупывание путей к пониманию личностного пола.

На рубеже XX–XXI веков появились наконец экспериментальные доказательства «размытости» пола. Однако их вряд ли можно назвать прорывом в науке. Они лишь подтвердили то, о чем графология догадывалась столетием раньше, а потому стали, по существу, демонстрацией потенциала графологии, ее эвристической силы, способности проткнуть завесу времени и предвосхитить будущее развитие психологии.

A.E. Petrosyan

Handwriting, Sex and Gender: The Justification of Graphology

The article is devoted to the analysis of the forming of prerequisites for conducting new, more exact experiments on identifying sex and gender from handwriting and to reviewing their results.

The notion of gender, having been separated from sex, got independence and thereby allowed to bring some quantitative grading into the personality's sexual identity and sufficient clear ideas of "intermediate" and "inverted" individuals. And – what is even more important – there appeared measuring instruments for those values (particularly, the Bem's inventory and the likes). On scrutinizing these tools and displaying their merits, the author exposes shortcomings not allowing them to serve immediately a means of "control" of graphological judgments.

A special attention is paid to the "physiological" marker of sexual identity – the relational length of the index and the ring digits (2D:4D). On getting deeper into the experimental material concerning its connections with factors caused by sex, the author comes to a conclusion that it could be fit, to a first approximation, for a criterion of correctness and accuracy of graphological judgments. The results of experiments operated in the beginning of the XXI century give firm evidence of the fact that even inferences made by non-graphologists correlate well with "physiological" markers of writers – at that the measure of it being higher than findings' gotten on the base of the Bem's inventory. This is confirmed also by the data of the author's own experiments that display graphological judgments to "predict", in addition, – surely within certain limits – values of the ratio 2D:4D.

Key words: handwriting – gender – "intermediate" and "inverted" individuals – "physiological" marker 2D:4D – graphological judgments control.